

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДОРОГА НА УИГАН-ПИРС

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Эксклюзивная классика»

George Orwell
THE ROAD TO WIGAN PIER

Перевод с английского *В. Домитеевой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Оруэлл, Джордж.

О-70 Дорога на Уиган-Пирс : [повесть] / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского В. Домитеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-157544-1

Публицистическая повесть «Дорога на Уиган-Пирс» посвящена жизни англичан в 1930-е годы прошлого века. В ней автор исследует безотраднo-унылое существование представителей как рабочего, так и среднего класса Северной Англии и размышляет о предпосылках увлеченности его современников из разных слоев общества социалистическими идеями.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157544-1

© Перевод. В. Домитеева, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Первым утренним звуком был топот фабричных работниц, грохотавших по булыжнику деревянными подметками. По-видимому, еще раньше раздавался фабричный гудок, но он меня ни разу не разбудил.

Рассчитанную на четверых постояльцев спальню, довольно гнусную берлогу, отличала неуютность помещений, используемых не по назначению. Сняв год назад обычный жилой дом и приспособив его под лавочку, торгующую требухой, и мебелированные комнаты, Брукеры не сподобились набраться сил да выкинуть кое-какой доставшийся вместе с жилищем хлам, так что спали мы, квартиранты, в том, что еще опознавалось как гостиная. С потолка свисала тяжеленная стеклянная люстра, обросшая пылью, будто мехом. Вдоль одной из стен громоздилось резное чудище, нечто среднее между буфетом и витриной, с массой выдвигаемых ящичков и зеркальных вставок. Кроме того, имелись когда-то цветастый, линялый, как половая тряпка, ковер, два стула с позолотой и дранными сиденьями, а также одно

из тех старомодных, набитых конским волосом кресел, с которых ты, стараясь усидеть, непременно соскальзываешь. Превращение в спальню совершилось путем впихивания среди этой рухляди четырех коек.

Моя кровать стояла в правом углу, около самой двери. Поскольку вторую кровать установили впритык, поперек моей (дабы позволить двери открываться), спал я, поджав ноги, — распрямленные, они пинали бы в поясницу соседа. Им был пожилой человек, мистер Рейли, механик «наверху» одной из шахт. По счастью, ему требовалось отпрапляться на работу в пять утра, благодаря чему я мог наконец вытянуться и хоть пару часов поспать нормально. Койку напротив занимал шахтер-шотландец, пострадавший в забое при обвале (его придавило каменной глыбой, которую удалось сдвинуть лишь через два часа) и получивший за увечье пять сотен фунтов компенсации. Сорокалетний богатырь, седеющий, с короткими усами — типаж старшего сержанта, он допоздна валялся на кровати, куря коротенькую трубочку. Четвертым спальным местом пользовались коммивояжеры, распространители газет, рекламные агенты и прочий кратковременно гостивший люд. Эта кровать была двуспальной, значительно комфортней остальных. Я сам провел на ней первую здешнюю ночь, затем меня переместили ради нового клиента. Полагаю, все

вновь прибывшие в первую ночь нежились на двуспальном ложе, служившем своего рода приманкой. Окна, понизу плотно забитые красными мешками с песком, никогда не отворялись, и утром комната воняла, как клетка хорька. Проснувшись, ты этого не замечал, но стоило тебе выйти и вернуться, запахок крепко шибал в нос.

Я так и не узнал, сколько же в доме было спален, однако — диво дивное — там со времен еще до Брукеров имелась ванная. Внизу стандартная для подобных жилищ кухня-столовая с гигантской открытой плитой, топившейся круглые сутки. Дневной свет только через потолочный люк, поскольку с одной стороны был магазин, а с другой — кладовая, из которой шел ход в некое сумрачное подземелье с запасом рубца. Частично перекрывая дверь кладовой, раскинулся бесформенный диван, на котором в ворохе грязных одеял возлежала владелица нашего пансиона, постоянно недомогавшая миссис Брукер. Суть заболевания этой дамы с большим желтовато-бледным и страдальчески озабоченным лицом оставалась неясной; подозреваю, что единственной причиной ее нездоровья являлось переедание. Перед плитой почти всегда висело на веревке сохшее белье, в центре комнаты стоял широкий кухонный стол, за которым ели и члены семьи, и постояльцы. Непокрытым я этот стол ни разу не видел, но мне доводилось

разглядывать устилавшие его слои. В самом низу старые газеты, заляпанные соусом, затем липкая белая клеенка, затем кусок зеленой саржи, а поверх всего грубая льняная скатерть, которую вытряхивали редко и не меняли никогда. Крошки от завтрака встречали тебя и за ужином. У меня вошло в привычку, подметив специфические крошки, изо дня в день наблюдать их передвижение по столу.

Торговое помещение было узким и холодным. Звездочками в ночи белели приклеенные снаружи к стеклу грязного витринного окна остатки старых рекламных листовок шоколада. На мраморной стойке лежали огромные свернутые пласты очищенного белого рубца, рядом нечто темное и мохнатое под названием «черный рубец» и призрачно светящиеся свиные ножки. Типичная лавчонка, где клиентам предлагается «тушеный горох с требухой» и мало что еще, кроме хлеба, сигарет и консервов. Витрина также зазывала «чаем», однако просьбы относительно него обычно с извинением отклонялись.

Мистер Брукер, бывший шахтер, уже два года безработный, всю жизнь наряду с горняцким трудом занимался каким-нибудь предпринимательством. Одно время они с женой держали паб, но потеряли лицензию на азартные игры в своем заведении. Вообще я сомневаюсь, давал ли выгоду какой-либо их бизнес; похоже,

они были из тех, кто заводит коммерческое дело, главным образом чтобы ворчать по поводу убытков. Темноволосый, мелкий в кости, внешне похожий на ирландца, вечно угрюмый мистер Брукер изумлял неопрятностью. Мне не припомнить его с чистыми руками. Ввиду инвалидного состояния миссис Брукер кормлением жильцов большей частью распорядился он и, как свойственно грязнулям, делал это сколь неряшливо, столь и медлительно. На поданном им бутерброде всегда красовался черный отпечаток большого пальца. Даже когда он ранним утром отправлялся в таинственную пещеру позади дивана миссис Брукер вытащить из подпола очередную часть продаваемой требухи, руки у него уже были черными. От квартирантов я слышал жуткие рассказы насчет места хранения рубца; говорили, что там кишмя кишат тараканы. Не знаю, как часто хозяйева заказывали свежую партию товара, но интервалы явно были длительны, ибо миссис Брукер имела обыкновение датировать ими давние случаи: «Дайте-ка вспомнить, с тех пор мне уж три раза заморозку (мороженный рубец) привозили...» Нам, постояльцам, данный рубец к столу никогда не подавали. Тогда мне представлялось, что из-за экономии дорогого продукта, теперь я думаю — просто по причине нашей слишком хорошей осведомленности о нем. Сами Брукеры, как я заметил, свой рубец тоже никогда не ели.

Постоянными жильцами были только шахтер-шотландец мистер Рейли, два престарелых пенсионера и безработный на господобии, который звался Джо (личности его типа фамилий как бы не имеют). Шотландец при тесном общении оказался занудой. Подобно многим потерявшим работу, он слишком много времени проводил за чтением газет, так что, если ему не препятствовать, часами мог разглагольствовать о вещах наподобие «желтой угрозы», дорожных убийств, астрологии или конфликта между наукой и религией. Двух стариков, как полагается, приговорили доживать в чужом углу официальная система по назначению пенсий неимущим. Вручая Брукерам свои еженедельные десять шиллингов, пенсионеры получали то, чего можно ждать за эту сумму: койку на чердаке и питание, состоявшее в основном из хлеба с маргарином. Один из них, так сказать, «старший», угасал от какой-то зловешей хвори (видимо, от рака), поднимаясь с постели лишь в те дни, когда приходилось ходить за пенсией. Другому, по прозвищу Старый Джек, было семьдесят восемь лет, из которых он больше пятидесяти проработал в шахте. Он сохранил и живой ум, и темперамент, но, что удивительно, помнил, казалось, только опыт своей юности, начисто позабыв о механизмах и прочих новшествах современных шахт. Старик любил мне рассказывать об укрощении впряженных

в вагонетки, дико лягавшихся в узких штольнях лошадей. Узнав же о моей договоренности побывать в угольном забое, он презрительно заявил, что таким долговязым, как я (рост мой шесть с половиной футов), «ходку» по штрекам нипочем не одолеть, и убеждать его в определенном улучшении условий этих «ходок» было бесполезно. А вообще он щедро проявлял дружелюбие и перед тем, как вскарабкаться к своей койке под самой крышей, всегда учтиво кидал на прощание: «Спокойной ночи, ребята!» Но больше всего в Старом Джеке меня восхищало абсолютное нежелание попрошайничать — оставаясь к концу недели без крошки табака, он неизменно отказывался угоститься чужим куревом. Брукеры застраховали жизни дряхлых жильцов договорами с полисным взносом шесть пенсов в неделю. Кто-то подслушал разговор, когда они тревожно допытывались у страхового агента: «Долго ль живут-то эти, которые раком больны?»

Джо, будучи, как и шотландец, заядлым читателем газет, целыми днями просиживал в бесплатной городской библиотеке. Весьма запущенного и заброшенного вида типичный безработный холостяк с наивно-презрительной миной на круглом, почти детском лице, выглядел он скорее беспризорным юнцом, чем мужчиной. Подобного рода моложавость, мне представляется, чаще всего идет от полной лич-

ной безответственности. Увидев Джо, я решил, что ему лет двадцать восемь, и был поражен, узнав, что сорок три. Джо любил пышные фразы и чрезвычайно гордился собственной проницательностью, позволившей избежать женитьбы. «Брачные узы — тяжкие оковы», — нередко повторял он мне, с очевидным ощущением своей мудрости и тонкости замечания. Шесть-семь из пятнадцати шиллингов его еженедельного пособия уходили на оплату койки у Брукеров. Иногда случалось видеть, как он в кухне варганит себе чашку чая, но питался Джо где-то вне дома; главным образом, я полагаю, маргариновыми бутербродами и жареной рыбой с чипсами.

Кроме постоянных жильцов, гостевала всякая временная публика: потертые коммивояжеры, заезжие артисты (непреренно пошловатых жанров, поскольку приглашались они для популярных на севере воскресных эстрадных выступлений в больших пабах), агенты по распространению газет. Братию газетных распространителей я прежде не встречал. Их труд мне показался настолько ужасным, настолько ненадежным, что возникал вопрос, как, с возможной альтернативой посидеть в тюрьме, можно выбрать и вынести такое. Нанятых издателями воскресных еженедельников агентов-распространителей снабжают картами со списком улиц и отправляют по городам «окучивать» опреде-

ленные кварталы. Не сумевших гарантировать двадцать ежедневных заказов увольняют. Постоянное выполнение этой нормы дает крохотное жалованье — два фунта в неделю плюс, надо полагать, некий мизерный процент с каждой подписки. Дело вообще-то не совсем нереальное, ибо в рабочих районах каждое семейство выписывает какой-нибудь дешевый еженедельник, довольно часто меняя свои предпочтения. Однако долго ли продержишься в ляжке распространителя? Газеты нанимают отчаявшихся бедолаг (потерявших место клерков, мелких торговых агентов и т. п.), которые ценой невероятных усилий добывают нужный минимум, но, как только, выжатые до капли, они снижают показатель, их выкидывают и нанимают новых. Я познакомился с двумя распространителями общеизвестного еженедельника из числа крайне скверных. Оба содержали свои семьи, оба были немолоды, один уже стал дедом. После десяти часов на ногах, «окучив» предписанные улицы, они потом до поздней ночи сидели, заполняли пустые бланки рекламными обещаниями «призов» — надувательских штучек типа того, что, если вы, оформив подписку на полтора месяца, приложите к почтовой квитанции два шиллинга, вам подарят набор мисок. Толстяк, имевший внуков, обычно засыпал, уронив голову на ворох бланков. Ни тот ни другой не могли себе по-

зволить платить Брукерам за полный пансион. Оплачивая только спальные места, они стыдливо закусывали в углу кухни припасенными в чемоданах хлебом, маргарином и обрезками бекона.

У Брукеров имелось много сыновей и дочерей, большинство которых давно сбежали из дома. Некоторые осели в Канаде — «на Канаде», как выражалась миссис Брукер. Рядом жил лишь один сын, свиноподобный детина, работавший в гараже и регулярно приходивший в родительский дом, чтобы поесть. Здесь же целыми днями находилась его жена с двумя ребятишками, на ней лежала основная часть стряпни и стирка, в чем ей помогала Эмми, невеста другого сына, обитавшего в Лондоне. Белесенькая, остроносенькая, понурая Эмми за какую-то нищенскую зарплату трудилась на заводе, а вечерами еще рабски пахала на Брукеров. Свадьба ее все откладывалась и, как я понял, вряд ли могла состояться, зато миссис Брукер уже впрягла ее как невестку, изводя брюзжанием с особо свойственной инвалидам неотступной придирчивостью. Прочая домашняя работа исполнялась — или не исполнялась — мистером Брукером. Хозяйка редко вставала со своего дивана в кухне (ночь она проводила там же) и была слаба для любого действия, кроме поглощения пищи в гигантских количествах. Так что Брукер и обслуживал кли-

ентов в лавке, и подавал еду жильцам, и «прибирался» в спальнях, невообразимо затягивая процесс каждого из ненавистных дел. Кровати нередко оставались незаправленными до шести вечера, и в любой час дня можно было встретить на лестнице Брукера, несущего полный ночной горшок, ухватив большим пальцем посудину за край. Утром он сидел у плиты и над ведром грязной воды чистил картофель со скоростью замедленной киносъемки. Трудно представить, что чистка картошки может внушать столь глубокое возмущение. «Чертова бабская возня», как называл он подобные занятия, вырабатывала в его организме некую едкую горечь. Брукер был из породы тех, кто бесконечно жует свои обиды, словно жвачку.

Подолгу оставаясь в доме, я, разумеется, выслушивал подробные отчеты о бедах Брукеров: очередной обидчик обманул их, отплатив черной неблагодарностью, лавка не окупается, и содержание жильцов почти не дает прибыли... По местным меркам они не так уж бедствовали (от «Проверки средств»* с возможностью получить пособие как безработный Брукер почему-то уклонялся), но плаксивые излияния любому, согласному слушать, составляли их главное удо-

---

* «Проверка средств» (Means-Test) — официальное обследование финансового уровня для определения прав на различные государственные субсидии.

вольствие. Громоздясь на диване рыхлой кучей жира и нитя, миссис Брукер часами тянула одно и то же: «Покупателей нету. Прямо я даже не знаю, что такое. Рубец-то на прилавке лежит да лежит, а уж какой прекрасный-то рубец! Не тяжело ль так-то вот?» И завершавшее очередную жалобу «не тяжело ль так-то вот?» звучало будто рефрен старинных баллад. Лавка, надо полагать, действительно не окупалась; царившая в ней мерзость запустения демонстрировала очевидный упадок бизнеса. Но совершенно бесполезно было бы объяснять, почему даже желающий что-то купить прохожий зайти внутрь не решается, — ни хозяин, ни хозяйка не могли уразуметь, что валявшиеся в витрине лапками вверх дохлые прошлогодние мухи торговле не способствуют.

Однако что по-настоящему терзало Брукеров, так это мысль о двух старых пенсионерах, живущих в доме, занимающих кровати, получающих еду и дающих за все лишь по десятку шиллингов в неделю. Сомневаюсь, что хозяйские траты превышали эту сумму, хотя, конечно, доходы тут были крайне невелики. Но стариканы в глазах Брукеров являлись севшими на шею жуткими паразитами, которых содержат из милости. Старого Джека еще кое-как терпели, поскольку днем он уходил из дома, но вот прикованный к постели старый Хукер (хозяин специфично произносил

его фамилию, опуская первую букву и растягивая «у» — «Уукер»*) вызывал просто ярость. Чего только я не наслушался насчет старика Хукера, его капризности, мучений перестилать его постель, его блажи насчет еды (того, вишь ли, ему «не хочется», сего «не хочется»), беспредельной его неблагодарности, а главное — упрямства, с которым дряхлый эгоист отказывался умирать! Брукеры весьма откровенно жаждали его смерти. Тогда, по крайней мере, им выдали бы деньги по страховке. Казалось, они ощущали нахлебника, лежащего наверху и день за днем их объедающего, как червя, непрестанно гложущего их кишки. Отрываясь от чистки картофеля, хозяин, поймав мой взгляд и мотнув головой к потолку, к чердаку с жильцом, ронял с невыразимой горечью: «Во б..., а?» Пояснять что-либо мне, хорошо осведомленному о всех пороках старого Хукера, не требовалось. Впрочем, у Брукеров имелись свои претензии к каждому из квартирантов (несомненно, включая и меня). Живший на пособие по безработице Джо входил в ту же категорию, что старики пенсионеры. Шотландец платил фунт в неделю, но редко покидал жилье, и хозяевам не нравилось, что «вечно он тут торчит». Газетных распространителей не бывало

---

* В Англии произношение слов с пропуском начального звука «h» (эйч) характеризует вульгарный, простонародный выговор.